МЕСТЬ НОФФРЕТ

АГАТА КРИСТИ

РОМАН

Г Л А В А Д В А Д Ц А Т А Я

ВТОРОЙ МЕСЯЦ ЛЕТА, 15-й ДЕНЬ

С ТАРАЯ Эза прихрамывая добралась до своего ложа. Она чувствовала себя усталой и опустошенной. Видно, годы брали свое. До сих пор она замечала, как слабеет ее тело, но не жаловалась на разум. А сегодня нервное напряжение подорвало ее физические силы, и она была вынуждена с горечью это признать.

Теперь, как ей казалось, она знала, откуда грозит опасность, но это не принесло ей облегчения. Напротив, ей предстояло отныне удесятить осторожность, ибо она сама сознательно подставила себя под удар. Доказательство, хотя бы одно доказательство! Но где его найти?

И в этот решающий момент возраст ее подвел. Она была слишком стара, чтобы придумать что-то неожиданное, перейти в наступление. Единственное, что ей оставалось,— защищаться. Быть настороже, не смыкать глаз, беречь себя. Потому что убийца — она не строила иллюзий,— не остановится ни перед чем.

Ну что ж, она не собиралась быть очередной жертвой. Почти наверняка в ход будет снова пущен яд. Насильственная смерть ей не угрожала, поскольку она никогда не оставалась одна — преданные рабыни не отходили от нее ни на шаг. Значит, яд. А от яда она сумеет уберечься. Стряпать для нее будет только Ренисенеб. Стряпать и подавать еду. Эза приказала перенести к ней в комнату сосуд с вином; заставила рабыню попробовать его и выждала сутки, чтобы убедиться, что вино не отравлено.

Продолжение. См. «Азия и Африка сегодня» № 4—12 за 1968 год.

Целый день старуха неподвижно сидела на ложе, мучительно пытаясь найти недостающие доказательства истины или просто глядя, как ее маленькая рабыня разглаживает и укладывает льняные одеяния или нанизывает рассыпавшиеся бусы ожерельев и браслетов.

К вечеру Эзу сморила усталость. Ей пришлось в тот же день еще раз говорить с Имхотепом, который хотел узнать ее мнение относительно брака Ренисенеб и Камени, прежде чем объявить свое решение дочери.

Имхотеп был настолько подавлен и растерян, что казался собственной тенью. От его напыщенности и самоуверенности не осталось и следа. Теперь он во всем полагался на непреклонную решительность матери.

Но Эза, старая Эза, сама боялась — больше всего на свете боялась! — принять неправильное решение. От одного неосторожного слова зависела жизнь дорогих ей людей.

В конце концов она дала согласие. Да, Ренисенеб надо выдать замуж. И как можно скорее. Выбирать ей иного мужа среди многочисленной родни просто не было времени. К тому же главное — сохранить женскую линию крови: супруг Ренисенеб все равно останется всего лишь управителем в поместье своей жены и ее детей, право наследования к нему не перейдет.

Слово за слово речь зашла о Хори, доверенном человеке, испытанном старом друге семьи, сыне мелкого землевладельца-соседа. Хори или Камени? Но Камени был кровным родичем!..

Прежде чем сказать решающее слово, Эза долго раздумывала. Один неверный шаг — и на семью обрушатся новые беды.

Наконец она решилась, и высказала свое решение со всей непреклонностью. Камени, несомненно, самый подходящий муж для Ренисенеб. Если Ренисенеб согласится, помолвку и свадебные празднества можно устроить в течение семи дней — но скромно, потому что в доме непогребенный мертвец. Да, Ка-

мени — подходящий муж. У них будут здоровые дети. К тому же они любят друг друга.

Теперь жребий брошен, думала Эза. Теперь все — дело случая. От нее больше ничто не зависит. Она сделала так, как считала разумным. Если она и рисковала — пусть! В игре она любила рисковать не меньше, чем Ипи. Заботиться о своем благополучии — это не жизнь. А чтобы выиграть, надо прорисковать.

Вернувшись в свою комнату, Эза подозрительно обшарила все углы. С особым вниманием осмотрела сосуд с вином, но он был закрыт плотной крышкой и запечатан ее собственной печаткой. Выходя из комнаты, она каждый раз опечатывала большой глиняный кувшин, и цилиндрическая печатка на нитке всегда висела у нее на шее. Эза довольно хихикнула. Старую курицу не так-то просто убить! Старухи знают истинную цену жизни, и знают, как за нее бороться. Завтра... Эза кликнула свою маленькую рабыню.

— Ты знаешь, где сейчас Хори?

Негритянка ответила, что писец, должно быть, в маленькой комнате при гробнице.

Эза удовлетворенно кивнула.

— Ступай к нему! — приказала она. — Скажи, что завтра, когда Имхотеп с Яхмосом и с Камени отправятся на поля, а Каит уйдет с детьми к водоему, он пришел ко мне. Ты поняла? Повтори!

Чернокожая девочка повторила приказ.

Да, пожалуй, все обойдется. Она поговорит с Хори наедине — Хенет придется отправить в сарай к прядильщикам. Она предупредит его, и они все обсудят без помех.

Когда маленькая негритянка вернулась с ответом, что завтра Хори придет, как условлено, Эза облегченно вздохнула. Но теперь усталость навалилась на нее непосильным грузом. Она приказала негритянке принести благовонную мазь и растереть ей ноги и руки.

Ритмичные движения маленькой массажистки усыпляли, ломаящая боль в суставах утихала.

Эза вытянулась на ложе, подложив под голову деревянную скамеечку, и забылась спокойным сном — хоть несколько часов покоя...

Пробудилась она от холода. Руки и ноги у нее одеревенели, стали ледяными, мертвыми... Оцепенение постепенно разливалось по всему телу. Она чувствовала, как холодная волна подступала все выше, парализовала сердце, мысль, волю.

«Это смерть», — подумала она.

Странная смерть, без всяких предупреждений, без предвестников... Наверное, так и умирают от старости.

Но тут страшная мысль, как молния, сверкнула во тьме ночной. Нет, это не естественная смерть! Яд... Но каким способом? Еда, питье — все пробовали рабыни, за всем следили, тут не было ни единой возможности. Но как же тогда?

Последним усилием воли старая Эза старалась понять. Она должна разгадать эту тайну, должна, пока еще жива.

Холодный обруч все теснее сжимал ее сердце, смертельный холод подступал все ближе, замораживая дыхание. Как же ее обманули?

И внезапно из далекого прошлого, из детских лет всплыло воспоминание. Барашек с выбритой шерстью на спине, остро пахнущая мазь — отец ей показывал, как яд может действовать через кожу. Масло, отравленное масло в ее притираниях!

Значит, вот как до нее добрались! Благовонные притирания, без которых не может обойтись ни одна египтянка... Значит, смерть была в алебастровой корбочке.

А завтра придет Хори... Он ничего не узнает... Она не успеет ему сказать... Слишком поздно...

Утром маленькая негритянка переполошила всех: она бегала по дому и, рыдая, кричала, что ее госпожа скончалась во сне.

* * *

Имхотеп стоял неподвижно возле тела Эзы. Лицо его было печально, однако ни тени страха или подозрения не отражалось на нем. Он был уверен, что его мать умерла естественной смертью, от старости.

— Ей было так много лет, — пробормотал Имхотеп. — Да, очень много. Видно, пришло ее время отправиться в царство Осириса. А заботы и горе только ускорили смерть. Но, слава богам, она отошла в мире. Возблагодарим Ра за то, что он дал ей умереть спокойно, а не от руки человеческой и не от темных заклятий! Возблагодарим богов за то, что никакой злодей не покусился на нее. Смотрите, как безмятежно ее лицо!

Ренисенеб рыдала, Яхмос ее утешал. Хенет хлопотала вокруг умершей, вздыхая, трясая головой и без конца повторяя, какое это горе и как она, Хенет, была предана старой доброй Эзе. Камени, позабыв о своих песенках, слонялся по дому с подобающе мрачным лицом.

Пришел Хори и замер у тела мертвой старухи. Он не опоздал, он пришел в назначенный ею срок. Но теперь ему оставалось только гадать, что именно хотела открыть ему мудрая Эза. Наверное, что-нибудь очень важное. Этого он никогда не узнает.

Но, кажется, он догадывался...

Г Л А В А Д В А Д Ц А Т Ь П Е Р В А Я

ВТОРОЙ МЕСЯЦ ЛЕТА,

16-й ДЕНЬ

— Хори, ты думаешь, ее убили?

— Да, Ренисенеб.

— Но как?

— Вот этого я не знаю.

— Но она была так осторожна! Следила за всеми. Проверяла все. И еду и питье заставляла пробовать рабынь...

Ренисенеб замолкла, опечаленная и недоумевающая.

— Я это знаю, Ренисенеб. И тем не менее я уверен: ее убили.

— А ведь она была самой мудрой из нас, самой прозорливой. И была так уверена, что с ней-то ничего не случится. Хори, наверное, это злые чары призрака Нофрет — иначе быть не может! Злые чары, заклятия, колдовство.

— Ты веришь в заклятия потому, что это самое легкое. Все люди таковы. Но Эза в подобную чепуху не верила. Если она что-то узнала, прежде чем умереть — а она умерла не своей смертью, — старая Эза узнала, кто ее убил. И это был не призрак, а живой человек.

— Значит, она знала — кто?

— Да. Она высказала свои подозрения слишком открыто. Она стала опасна для убийцы. И то, что она умерла, подтверждает ее подозрения.

— Но она назвала тебе... имя?
— Нет, — ответил Хори. — Она не успела. Однако ее подозрения, насколько я знаю, совпадали с моими.

— Тогда ты должен мне все рассказать, Хори! Чтобы я остерегалась!

— Нет, Ренисенеб. Я слишком дорожу тобой, чтобы это сделать.

— Но я... Мне ничего не грозит?

Лицо Хори помрачнело.

— Грозит, Ренисенеб, — сказал он. — Никто из нас не может считать себя в безопасности. Но если бы ты знала правду, ты могла бы помимо своей воли выдать себя убийце, и он тотчас уничтожил бы тебя, не считаясь ни с каким риском.

— А ты, Хори? Ты знаешь?

— Нет, но я догадываюсь. Однако до сих пор я ничего не говорил, и никто не может заподозрить. Старая Эза поступила неосторожно. Она высказала свои мысли. И все поняли, к чему она клонит. Не надо было этого делать, я ей говорил.

— Но как же ты, Хори? Если с тобой что-нибудь случится...

Ренисенеб не договорила, пораженная пристальным взглядом Хори. Он смотрел на нее печально и строго, словно пытался проникнуть в самые затаенные уголки ее души. Потом он взял ее руки в свои ладони.

— За меня не бойся, маленькая Ренисенеб! Все будет хорошо.

«Да, — подумала она, — если Хори так говорит, все кончится благополучно».

Странное чувство овладело ею — чувство уверенности, покоя, безмятежного светлого счастья. Все обыденное, мелкое отлетело, и перед нею открылась даль, как со скалы у гробницы, бесконечное пространство, где без следа растворились все заботы, огорчения, злоба и дразги людские.

— Я выхожу замуж за Камени, — внезапно бросила она, и сама удивилась, как резко и хрипло прозвучал ее голос.

Хори выпустил ее руки спокойно и естественно.

— Я знаю, Ренисенеб.

— Они думают... Отец считает, что это самый лучший выход.

— Знаю, — проговорил Хори, сделав шаг в сторону.

Двор сразу показался Ренисенеб теснее, голоса, доносящиеся из дому и из хлебных амбаров, зазвучали громко, почти оглушительно. Ренисенеб думала только об одном: «Хори уходит, уходит!»

— Хори, куда ты? — робко позвала она.

— На поля вместе с Яхмосом. У меня много дел, надо все подсчитать. Жатва подходит к концу.

— А где Камени?

— Он пойдет с нами.

— Мне страшно здесь! — почти выкрикнула Ренисенеб. — Да, страшно, даже днем, когда вокруг люди и сам Ра сияет в небесах!

Хори стремительно шагнул к ней.

— Не бойся, Ренисенеб. Тебе нечего бояться, клянусь! Во всяком случае сегодня.

— А завтра?

— И один день — это уже немало. А сегодня тебе ничто не грозит, поверь мне.

Ренисенеб заглянула ему в глаза и нахмурилась.

— Значит, просто не я буду следующей жертвой — ты это хотел сказать?

— Постарайся не думать об этом, Ренисенеб. Я делаю все, что могу, хотя тебе может показаться, будто я бездействую.

— Понимаю, — задумчиво проговорила Ренисенеб.

неб. — Да, теперь понимаю. Значит, следующим будет Яхмос. Поэтому ты и стараешься не отходить от него. А затем придет очередь моего отца и моя. Но кто, кто так смертельно возненавидел всю нашу семью?

— Тссс! Лучше не говорить о таких вещах. Доверься мне, Ренисенеб. И постарайся прогнать страх из своего сердца.

Ренисенеб гордо вскинула голову и посмотрела ему прямо в глаза.

— Я верю тебе, Хори! Ты не дашь мне умереть. Я слишком люблю жизнь и не хочу с ней расставаться.

— Ты не умрешь, Ренисенеб.

— И ты тоже, Хори.

— Да, я тоже.

Они улыбнулись друг другу, и Хори пошел искать Яхмоса.

* * *

Ренисенеб сидела на корточках, наблюдая за Каит, которая помогала своим детишкам лепить из глины игрушки на берегу водоема. Сильные пальцы Каит ловко разминали влажную глину, и двое маленьких серьезных гончаров не отводили от них глаз. Лицо Каит было, как всегда, спокойно, бездумно и безмятежно. Казалось, что смертельная опасность, нависшая над домом, все эти таинственные убийства нисколько ее не тревожат...

Хори просил Ренисенеб не думать об этом, но она не могла избавиться от черных мыслей, как ни старалась. Если Эза все поняла, если Хори распознал убийцу, почему бы ей тоже не догадаться? Возможно, раскрыв эту тайну, она навлечет опасность на себя, но какой же человек согласится пребывать в мучительном неведении! Нет, Ренисенеб хотела знать. К тому же это, должно быть, просто, очень просто! Совершенно ясно, что отец не мог быть убийцей собственных сыновей. Значит, остаются... В самом деле, кто же остался? Определенно и непременно оставались двое — Каит и Хенет. Две женщины... Но что двигало ими?

Правда, Хенет ненавидит всех. Да, ненавидит люто! Она сама призналась в своей ненависти к Ренисенеб. Почему бы ей не возненавидеть так же смертельно и всех остальных?

Ренисенеб пыталась мысленно проникнуть в самые темные, самые затаенные уголки уродливого сознания Хенет. Она жила здесь долгие годы, суешила, хлопотала по дому, твердила о своей преданности, а сама подглядывала, подслушивала, наушничала, лгала... В их дом Хенет вошла много лет назад как бедная родственница прекрасной и знатной госпожи. Она видела, как счастлива была госпожа, у которой был добрый муж, здоровые дети. А ее самое муж бросил, и ее ребенок умер... Да, так оно, наверное, и назревало. Когда-то Ренисенеб видела человека, раненного копьем. Снаружи рана быстро затянулась, но рука опухла и затвердела. Пришел врач, прочел закливания и маленьким ножом вскрыл воспаленную опухоль. И тогда — словно прорвалась плотина — наружу неудержимо хлынула зловонная жижа... Возможно, то же самое произошло и с Хенет. Она только делала вид, что быстро забывает обиды и оскорбления, а тем временем в глубине души ее скапливался смертоносный яд ненависти.

Но не ко всем же! Имхотепу, например, Хенет не желала зла. Годами она увивалась вокруг него, угождала ему, льстила. Он доверял ей безгранично. И, видимо, ему она была действительно предана.

Но если поверить в ее искренность, как могла Хенет причинить Имхотепу столько горя?

А что, если она его тоже ненавидит? Лицемерно льстит только для того, чтобы пользоваться его слабостями? Что, если он ей ненавистнее всех других? Тогда для ее извращенного больного разума самой сладкой мстостью было бы именно вот такое постепенное уничтожение любимых сыновей Имхотепа...

— Что с тобой, Ренисенеб? — неожиданно прозвучал голос Каит. — У тебя такой странный вид! Ренисенеб встала.

— Мне кажется, меня сейчас стошнит, — пробормотала она. Образ убийцы, созданный ее воображением, был так отвратителен, что к горлу подкатывала тошнота. Но Каит поняла ее буквально.

— Ты, наверное, объелась незрелыми финиками, — заметила она. — А может, рыба была несвежая.

— О нет, еда тут ни при чем. Меня мутит от всех этих ужасов, которые здесь происходят.

— Ах вот оно что!

Восклицание Каит было настолько пренебрежительным, что Ренисенеб изумилась.

— Но, Каит, неужели тебе не страшно?

— Нет, не страшно. Чего нам бояться? Если что-нибудь случится с Имхотепом, о детях позаботится Хори. А Хори — честный человек. Он сохранит для детей их добро.

— И Яхмос это сделает.

— Яхмос тоже умрет.

— Каит, ты говоришь это так спокойно! Неужели тебе все безразлично? Неужели тебе не жалко ни Яхмоса, ни отца?

Каит задумалась на мгновение, затем пожала плечами.

— Мы с тобой обе женщины, матери. Давай не будем кривить душой. Имхотеп всегда был вздорным самодуром. А уж с Нофрет показал себя последним дураком. Подумать только, он поверил ей, наложнице, и хотел обездолить своих собственных сыновей и внуков! Я никогда не любила Имхотепа. А Яхмос — это пустое место. Сатипи вертела им, как ей вздумается. Потом, когда она умерла, он вроде стал самостоятельнее, начал важничать, приказывать. И уж, конечно, все лучшее отошло бы его детям — можешь мне верить. Поэтому если он тоже умрет, моим детям будет только лучше, — я это так понимаю. А у Хори нет детей, и он справедлив. Все, что случилось здесь, очень печально, но теперь, когда я подумала хорошенько, мне кажется, все это к лучшему.

— Но, Каит, ведь твой собственный муж, которого ты любила, погиб, отравленный одним из первых!

Мимолетная презрительная гримаса тронула губы Каит. Она взглянула на Ренисенеб с насмешливой жалостью:

— Знаешь, иногда ты совсем как твоя глупышка Тети. Право же, ничуть не умнее!

— Ты даже не оплакивала Собека, — продолжала Ренисенеб. — Я это заметила...

— Полно тебе, Ренисенеб! Я сделала все, что положено. Неужели ты думаешь, что я не понимаю, как должна вести себя вдова?

— Вот именно, «как должна» — не больше. Значит, ты совсем не любила Собека?

Каит пожала плечами.

— А за что его было любить?

— Каит! Он же был твоим мужем, отцом твоих детей!

При упоминании о детях лицо Каит смягчилось. Она взглянула на двух маленьких сыновей, старательно месивших глину, затем на свою дочку Анх, которая кувырчалась в траве, что-то про себя мурлыча.

— Да, Собек подарил мне троих детей. За это я ему благодарна. Но кто он, в сущности, был? Красивый болтун, гуляка. Нет, чтобы взять себе по обычаю вторую сестру, какую-нибудь честную девушку, которая могла бы помогать по дому! Он вместо этого ходил в веселые дома, пил без меры и платил, не считая, самым дорогим танцовщицам. Счастье еще, что Имхотеп держал его в узде и заставлял отчитываться во всех делах. Разве такой человек, как Собек, достоин любви и уважения? А в общем все мужчины одинаковы! Они нужны только для того, чтобы мы рожали детей. Вся сила народа в нас, в женщинах. Это мы с тобой, Ренисенеб, передаем нашим детям все нами накопленное и сбереженное. А мужчины пусть выполняют свой долг перед потомством и скорей умирают!

«А ведь она сильная женщина, — пронеслось в голове Ренисенеб. — К тому же Каит не только глупа, она еще и самодовольна. Она ненавидит и презирает мужчин. Как это я раньше не замечала? Только однажды проскользнуло в ней нечто такое, опасное... Да, Каит сильная женщина».

Невольно Ренисенеб перевела взгляд на руки Каит, огрубевшие мускулистые руки, которые легко разминали и месили неподатливую глину. Она подумала об Ипи, о сильных руках, погрузивших его голову в водоем и державших неумолимо, пока он не захлебнулся. Да, руки Каит могли это сделать...

Маленькая Анх наступила на колючку и пронзительно взвизгнула. Каит бросилась к ней, подхватила девочку на руки, начала утешать. Лицо ее было воплощением материнской любви и нежности.

Из дому на террасу выбежала Хенет:

— Что, что случилось? Ребенок так закричал! Я думала что-нибудь опять... — Хенет разочарованно умолкла. Только что на ее подленьком личике отражалось жадное ожидание новой катастрофы, а теперь осталась одна злость.

Ренисенеб сравнивала лица двух женщин. На одном — любовь. На другом — ненависть. И неизвестно, какое из этих чувств страшнее.

* * *

— Яхмос, будь осторожен с Каит!

— С Каит? — Яхмос не скрывал изумления. — Милая Ренисенеб...

— Поверь мне, она может быть опасной.

— Наша тихая Каит? Но ведь она всегда была такой скромной, покорной, — правда, не слишком умной, однако...

— Она вовсе не так скромна и покорна! — оборвала его Ренисенеб. — Я боюсь ее, Яхмос. Тебе надо остерегаться.

— Остерегаться Каит? — Он все еще не мог прийти в себя. — Ну, знаешь, никогда не поверю, что это Каит сеет вокруг себя смерть. У нее на такое не хватит ума.

— А я думаю, для этого особого ума и не требуется. Достаточно знать разные яды. И тебе известно, что такие знания в некоторых семьях передаются от матери к дочери. Женщины варят отраву из особых трав. Каит вполне могла узнать все эти секреты. Когда ее дети болеют, она всегда сама готовит им лекарственные настои.

— Да, это я знаю, — задумчиво проговорил Яхмос.

— Хенет тоже очень злая женщина, — продолжала Ренисенеб.

— Хенет — с этим я согласен. Мы ее никогда не любили. И если бы не мой отец...

— Она обвела Имхотепа вокруг пальца!
— Вполне возможно,— согласился Яхмос и уверенно добавил:— Она взяла его лестью.

Ренисенеб удивленно взглянула на него: впервые Яхмос позволил себе выразиться об отце неодобрительно. До сих пор он говорил о нем не иначе как с глубоким уважением. Но сейчас Яхмос, видимо, почувствовал себя главой дома. За последние недели Имхотеп сразу состарился на много лет. Он уже ничего не решал, ничего не приказывал. И физически он заметно ослаб. Целыми часами сидел он теперь неподвижно в своей комнате с помутившимся, отсутствующим взором. Порой казалось, что он плохо понимает обращенные к нему слова.

— Ты думаешь, что Хенет...— начала Ренисенеб и умолкла, испуганно озираясь.— Неужели это она?..

Яхмос схватил ее за руку:

— Тише, Ренисенеб! О таких вещах лучше не говорить даже шепотом.

— Значит, ты полагаешь?..

— Молчи, Ренисенеб, пока молчи! — мягко, но настойчиво повторил Яхмос.— У нас есть план...

(Окончание следует)

Перевел с английского

Ф. Мендельсон

Молодая литература Большого острова

КОРЕННЫЕ жители Мадагаскара — малагасийцы — часто называют свой остров шестым континентом. И не только потому, что на Мадагаскаре ученые находят растительный и животный мир, не похожий на флору и фауну других континентов земного шара. А потому еще, что в силу исторических причин на Мадагаскаре сложилась оригинальная культура, являющаяся своеобразным сплавом культуры народов Африки, Азии и Европы, развитие которой началось задолго до завоевания острова колонизаторами. Уже сто с лишним лет назад в Мадагаскарском царстве издавались журналы на малагасийском языке, в которых публиковались произведения национальных прозаиков и поэтов, опиравшихся в своем творчестве на богатый фольклор малагасийцев: сказки, пословицы, поговорки, своеобразные частушки-прибаутки, известные под названием «хайн-тени».

Установление на Мадагаскаре колониального режима в 1896 году наложило глубокий отпечаток на развитие молодой малагасийской литературы. Политика культурной ассимиляции, проводившаяся колониальными властями, имела своей целью подавление национальной культуры и выражалась в преследовании изданий на малагасийском языке. Но, несмотря на трудные условия, малагасийская литература продолжала развиваться: прогрессивная интеллигенция страны вела упорную борьбу против культурного порабощения народа, за сохранение малагасийской национальной культуры.

Тем не менее чужеземное иго сказалось. В условиях искусственной изоляции острова от внешнего мира малагасийские прозаики и поэты, чтобы донести свое слово до мировой общественности, были вынуждены писать на французском языке. Это, в свою

очередь, не могло не отразиться отрицательно на их творчестве. Сильное влияние французской поэзии — классической и декадентской — испытал на себе, в частности, талантливый поэт Рабеаривелу. Тем не менее поколение малагасийских литераторов, писавших на французском языке, способствовало пробуждению и утверждению национального самосознания малагасийского народа. Очень близка к народной поэзия Флавиена Ранаиву. Широкую известность приобрело творчество поэта, публициста и общественного деятеля Жака Рабеманандзары, в лучших произведениях которого («Анцу», «Ламба»), проникнутых духом антиколониализма, содержался призыв к свержению чужеземного ига.

После второй мировой войны на Мадагаскаре сложилась группа молодых литераторов, посвятивших свои произведения современной жизни народа, его борьбе против колониального ига. Эта тенденция ярко сказалась в творчестве поэта, писателя и переводчика Арсена Рацифехеры, пишущего на малагасийском языке. Повесть «Его гнев», написанная на основе современного материала, затрагивает насущные социальные проблемы, говорит о трудной жизни малагасийских земледельцев.

Рацифехера, Раду, Рабесахала и ряд других малагасийских писателей и поэтов, группирующихся вокруг редакции прогрессивной газеты «Имунгу ваувау», представляют собой авангард малагасийской национальной литературы.

...В 1960 году малагасийцы добились политической независимости. Казалось, перед народом Мадагаскара открылись широкие возможности для возрождения национальной культуры. Однако надежды многих малагасийцев, ожидавших коренных преобразований в стране, оказались обманутыми. К власти пришли прозападные круги, опирающиеся на местную буржуазию, чиновников административного аппарата.

Чувство разочарования и недовольства так называемой независимостью, решимость продолжать борьбу за свободу отражается в творчестве многих современных малагасийских литераторов.